

ОТРАЖЕНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

.....

С.О. Малевинский*

Среди основных подходов к структурированию лексического материала, отражающего психические свойства человека в естественном языке, можно выделить два: психологический и лингвистический. Они порой вступают в прямое противоречие друг с другом, поскольку опираются на разные исходные постулаты. Данная статья написана с лингвистических позиций, что объясняет расхождение автора с некоторыми теоретическими и методическими традициями, принятыми в психологических публикациях. Используемые в психологии методы структурирования черт личности, основанные на оценке семантической близости обозначающих психические свойства слов, иногда называют «лексикографическими» [5, с. 460], но фактически они имеют мало точек соприкосновения с лингвистической лексикологией, семасиологией и лексикографией. Основное расхождение касается того, что считать существенной характеристикой слова, какую его семантику принимать за основную — ту, что отражена в словарном толковании лексем (нормативное лексическое значение), или ту, что возникает на основе ассоциативных связей с другими словами в сознании тех или иных носителей языка. Лингвисты опираются на первый подход. Психологи ключевую роль отводят семантике второго типа (существует даже термин «психосемантика») и утверждают, что она лучше позволяет объяснять функционирование и парадоксы обыденного сознания человека, чем логико-лингвистические построения и нормативные словарные значения. Как следствие, в психологических экспериментах испытуемым часто предъявляются такие тезаурусы наименований человеческих характеристик, личностных черт, которые включают слова, не имеющие с лингвистической точки зрения прямого отношения к обозначению именно психических свойств. Это могут быть лексические единицы чисто оценочного характера (*хороший — плохой*,

---

* Малевинский Сергей Октябrevич — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета. Электронная почта: bigr@pushkin.kubannet.ru.

чудесный — отвратительный, приятный — неприятный, привлекательный — отталкивающий), слова, характеризующие людей по их роду занятий или просто по отношению к каким-либо действиям (*блатной, босьяк, вор, воротила, вышибала, гангстер, грабитель, насильник* и т. п.), характеристики, отражающие политические, религиозные или мировоззренческие убеждения (*анархист, безбожник, безыдейный, верующий, еретик, консерватор, мракобес* и т. д.), слова, отражающие уровень знаний, умений, компетентности (*знающий, искушенный, компетентный, опытный, умелый — дилетант, невежественный, профан* и т. п.) (см., например, [6, с. 437–457]).

Приведенные лексемы попадают в число слов, используемых в качестве исходного материала персонологических исследований, на том основании, что привлекаемые к исследованию эксперты положительно отвечают на вопрос: «Возможно ли использование данного слова в качестве характеристики личности?» [7, с. 137–138]. С точки зрения психолога, изучающего обыденное сознание, этого достаточно. С точки зрения лингвиста, необходима значительно большая строгость в определении того, какие все-таки признаки из числа так или иначе характеризующих людей могут быть отнесены к разряду именно личностных психических свойств.

Различие альтернативных подходов проявляется также в том, по каким основаниям авторы структурируют, классифицируют различные психические свойства. В психологии прослеживается теоретическая и эмпирическая традиции. В разных теориях личности выдвигаются разные базовые структуры свойств. При этом теоретиков-персопологов обычно мало интересует вопрос о том, как соотносится предложенная ими структура психологических характеристик с возможной лингвистической классификацией лексем, основанной на их словарных значениях, поскольку основной интерес связан с прояснением внутрискруктурных отношений между «психическими свойствами» или «свойствами (чертами) личности». Другая психологическая традиция — эмпирическая — так же мало интересуется лингвистическими классификациями, поскольку ключевым принципом объединения слов в семантические блоки здесь признается экспериментально зафиксированная их связь в сознании конкретных носителей языка. Так была построена популярная сегодня пятифакторная модель личности, или «Большая пятерка» личностных черт.

Лингвистический подход, в соответствии с которым здесь представлен материал, предполагает опору в первую очередь на словарные значения слов. Одновременно принимаются в расчет некоторые психологические концепции.

Психические свойства, именуемые личностными чертами, трактуются обычно как «гипотетические базовые диспозиции или характеристики личности, которые в принципе могут использоваться в качестве объяснений постоянства и последовательности поведения» [4, т. 2, с. 410]. Однако само понятие

психического свойства может распространяться не только на собственно поведенческие личностные диспозиции, но и на все остальные свойственные людям внутренние предрасположенности к тем или иным формам психической активности. В свое время психолог А.Г. Ковалев предложил классифицировать свойства, исходя из классификации психических процессов, в которых они так или иначе проявляются. Отсюда следует, что помимо личностных качеств, проявляемых в поведении, «нужно говорить о свойствах интеллектуальной деятельности, эмоциональной и волевой» [2, с. 26].

Одним из важных оснований для различения форм психической активности людей является их дифференциация на контролируемые волей (управляемые) и неконтролируемые (спонтанные) проявления. На наш взгляд, признак контролируемости / неконтролируемости форм психической активности должен учитываться в общей классификации присущих людям психических свойств в первую очередь. С этой точки зрения все потенциально возможные психические диспозиции чисто умозрительно могут быть разделены на предрасположенности к контролируемым человеческой волей и неконтролируемым психическим процессам и формам поведения. А то, предрасположенностью к каким именно психическим проявлениям выступает то или иное личностное свойство, можно определить по содержанию лексического значения обозначающего это свойство слова. В качестве основных показателей здесь могут использоваться словарные толкования лексем, значения которых оказываются подводимыми под общее понятие внутренней предрасположенности человека к той или иной форме психической активности.

Анализируя значения соответствующих слов, необходимо помнить, что психические свойства представляют собой феномены, недоступные для непосредственного человеческого восприятия. О наличии у кого-либо того или иного психического свойства мы судим обычно по поведению этого человека, по содержанию и форме его высказываний, по мимике, жестике, интонациям голоса и т. п. Поэтому выражаемые средствами языка понятия о психических свойствах представляют собой вырабатываемые нашим обыденным сознанием гипотетические (а не эмпирические) мысленные конструкты.

Важнейшим признаком всех вычленяемых обыденным сознанием психических свойств является признак кросс-ситуационности — предположение о проявлении этих свойств в определенных спектрах (диапазонах) тех или иных типовых ситуаций. Однако судя по публикациям, психологи пока далеки от согласия по поводу того, насколько широкими должны быть эти спектры, в скольких именно типах ситуаций человек должен чувствовать или вести себя определенным образом, чтобы ему могло быть приписано какое-то психическое свойство. Отражающееся в языковых структурах обыденное сознание в таких случаях находит иной выход. Для разного рода психических переживаний и форм человеческого поведения оно вырабатывает представления о тех

относительно ограниченных наборах жизненных ситуаций, в которых эти переживания и поведенческие акты бывают свойственны большинству людей. Проявляемые в данных ситуациях среднестатистические психические диспозиции чаще всего не находят своего отражения в общеупотребительном лексиконе языка. Особыми лексическими единицами обычно обозначаются только те психические свойства, которые по силе своего проявления, а самое главное, по количеству тех ситуаций, в которых они проявляются, значительно отступают в сторону повышения или понижения от выработанных обыденным сознанием стандартных представлений. Так, обычным, недрачливым человеком может быть назван тот, кто прибегает к драке только в исключительных случаях — когда дело касается личной или чужой безопасности, а также вопросов чести. Тогда драчливым будет признан такой субъект, который склонен браться в драку в гораздо более безобидных ситуациях, в связи с другими, менее значительными поводами. При этом человек, прибегающий к драке чаще, чем это обычно бывает у остальных людей, может быть охарактеризован и как не очень драчливый, и как страшно драчливый, в зависимости от того, насколько широким для него является диапазон провоцирующих драку ситуаций.

Такой тип лексических значений — соотносящих определенное качество какого-то предмета с представлением об уровне проявления этого качества, среднем для соответствующего предметного класса — довольно широко представлен в лексике любого естественного языка. Именно такого рода значения свойственны именам прилагательным, выражающим так называемые параметрические оценки (*большой — маленький, высокий — низкий, длинный — короткий, широкий — узкий*), а также прилагательным типа *сильный — слабый, тяжелый — легкий, сложный — простой, дорогой — дешевый* и т. п. Именно к этому типу лексических единиц примыкает большая часть существующих в языке наименований присущих людям психических свойств.

Другой специфической особенностью языкового отражения свойств человеческой психики является его принципиально избирательный характер. Поскольку язык не зеркало, отражающее действительность как она есть, а инструмент сознания, фиксирующий только то, что представляет интерес, различные психические свойства людей репрезентируются в структурах языка отнюдь не равномерно. Некоторые из свойственных людям личностных качеств вообще не находят своего отражения в виде отдельных слов, другие же воспроизводятся в языке, наоборот, предельно детализированно, через набор лексических конкретизаторов, отражающих те или иные аспекты и составные компоненты более общих психических диспозиций. Такое «разрастание понятий», как справедливо заметил когда-то К. Леви-Строс, «соответствует неослабному вниманию к свойствам реальности, наиболее пристальному интересу к тем различиям, которые можно ввести» [3, с. 114]. Исходя из этого положения, основными показателями внимания и интереса носителей языка к тем или

иным психическим свойствам можно считать расширенную номенклатурную представленность и наличие таксономического дробления в структурной организации соответствующих лексических объединений.

Непосредственный анализ лексической номенклатуры свойственных людям личностных качеств удобнее всего начать с рассмотрения наименований предрасположенностей к не контролируемым волей формам психической активности, в силу относительной простоты этих предрасположенностей. К числу такого рода слов относятся прежде всего наименования эмоциональных психических диспозиций — предрасположенностей к переживанию собственно эмоций и относительно долговременных эмоциональных состояний, именуемых настроениями.

Общая способность человека к каким-то эмоциональным переживаниям обозначается в русском языке существительным *эмоциональность*. Однако мотивирующее это слово прилагательное *эмоциональный*, выступая как наименование психического свойства, обозначает уже не простую способность, а повышенную предрасположенность к переживанию различных эмоциональных состояний. Это означает, что человеческий индивид, характеризуемый как эмоциональный, оказывается внутренне предрасположенным испытывать более сильные внутренние переживания, чем другие, неэмоциональные люди. А самое главное, различного рода эмоции и эмоциональные состояния появляются у такого человека гораздо чаще и в гораздо более широком диапазоне ситуаций, нежели это бывает у обычных людей.

Довольно большое количество русских слов (около сорока существительных и прилагательных) имеют лексические значения, выступающие в качестве смысловых конкретизаторов общего понятия повышенной эмоциональности. В своем содержании данные слова отражают свойственные некоторым людям относительно сильные предрасположенности к каким-то конкретным эмоциональным переживаниям, что сопровождается иногда указанием на те или иные обстоятельства или причины возникновения данных переживаний. Наибольшей номенклатурной представленностью здесь отличаются понятия о психических диспозициях, являющих собой повышенные предрасположенности к переживанию позитивных (дружественных) или негативных (враждебных) эмоций по отношению к окружающим. Первые отражаются в значениях таких слов, как *добродушие, мягкосердечие, жалостливость, сердоболие, сострадательность, чувствительность* и *сентиментальность*, вторые — такими словами, как *злобность, озлобленность, обидчивость, раздражительность, завистливость, мизантропия, человеко-, муже- и женоненавистничество*. Относительно высокие предрасположенности к другим видам эмоциональных переживаний находят свое отражение в значениях лишь отдельных лексем. Речь идет о словах *веселость, жизнерадостность, восторженность, впечатлительность, пугливость, боязливость, стыдливость* и *угрюмость*.

Имеются в лексике русского языка и слова, обозначающие слабо проявляющиеся эмоциональные предрасположенности, которые могут при этом мыслиться и как полностью отсутствующие. Диспозиции такого рода отражаются, например, в значениях существительных *безжалостность, бесчувственность, бесстыдство, бесстрашие, незлобивость, отходчивость* и др. Однако слова, которые могли бы обозначать средний уровень проявления каких-то эмоциональных предрасположенностей, в русском языке практически отсутствуют.

Все это в полной мере относится и к тем внутренним психическим диспозициям, которые могут быть охарактеризованы как дезидеративные (от лат. *desidero* — «желаю»). Данная группа объединяет в себе те психические свойства, которые трактуются обычно как человеческие потребности, влечения, страсти и пристрастия. Не вдаваясь в характеристику каждого из этих видов дезидеративных личностных качеств, отметим только, что все они отличаются наличием одного общего признака, суть которого заключается в том, что психические переживания, предрасположенностями к которым являются перечисленные качества, представляют собой те или иные желания. Именно предрасположенностями к возникновению у людей различного рода желаний являются психические свойства, обозначаемые такими словами, как *алчность, жадность, амбициозность, честолюбие, тщеславие, любопытство*, с одной стороны, и *свободолюбие, человеколюбие, любознательность* — с другой. Большинство из этих лексем отражают дезидеративные предрасположенности человека, так или иначе затрагивающие интересы и благополучие других людей. Наибольшей же номенклатурной представленностью в данном лексическом микрополе обладает понятийная зона повышенной сексуальности. Она репрезентируется здесь довольно внушительным синонимическим рядом, в состав которого входят лексемы *женолюбие, сластолюбие, сладострастность, похотливость и эротизм*.

Человеческие эмоции и свойственные людям желания объединяет то, что и первые, и вторые представляют собой возникающие независимо от воли человека внутренние переживания. Однако одними только ими сфера не контролируемых волей форм психической активности не ограничивается. К данной сфере могут быть отнесены и некоторые ментальные процессы — те, которые хоть и приводят к образованию каких-то рефлекслируемых мысленных конструкций (мнений, предположений, убеждений), но протекают независимо от человеческой воли, не будучи обуславливаемы особыми волевыми усилиями. Предрасположенностями к осуществлению ментальных актов этого типа являются личностные качества, обозначаемые такими словами, как *оптимизм и пессимизм, мнительность и подозрительность, легковерие и доверчивость, прекраснодушие и наивность, самонадеянность и гордыня*.

В гораздо меньшем количестве в русском языке представлены лексемы, обозначающие внутренние предрасположенности людей к не контролируемым

их волей формам внешнего поведения. Диспозиции такого рода отражаются в значениях всего лишь шести лексических единиц — прилагательных *смешиливый*, *плаксивый* и *припадочный*, а также образованных от них существительных *смешиливость*, *плаксивость* и *припадочность*. Правда, возможности русского словообразования вполне допустили бы появление, к примеру, таких слов, как *кашливость* или *чихливость*. Однако ментальная и коммуникативная значимость соотносимых с ними понятий, по-видимому, не настолько высока, чтобы создавать для передачи этих понятий какие-то особые лексические средства.

Самую многочисленную категорию наименований присущих людям личностных свойств образуют слова, обозначающие предрасположенности к различным видам, аспектам и особенностям осуществления контролируемой волей психической и физической активности, соответствующей одному общему понятию деятельности. Именно деятельностные психические диспозиции оказываются, таким образом, теми разновидностями свойственных людям личностных качеств, которые находятся в центре внимания отражающейся в структурах языка обыденной (или наивной) психологии.

Среди всех этих диспозиций различаются психические качества двух типов: первые можно определить как деятельностные способности, вторые — как деятельностные склонности. И если под способностями мы понимаем внутренние предрасположенности, обеспечивающие возможность достижения успеха в тех или иных видах деятельности, то под отражаемыми средствами языка склонностями подразумеваются те психические диспозиции, которые обуславливают сравнительно высокую или относительно низкую вероятность совершения человеком какой-то деятельности, что определяется готовностью осуществлять данную деятельность в более широком или более узком диапазоне жизненных ситуаций, нежели это бывает свойственно большинству людей.

Поскольку человеческая деятельность подразделяется на два вида — мыслительную и практическую, соответственно и среди присущих людям деятельностных способностей и склонностей могут различаться способности и склонности мыслительной и практической деятельности. Кроме того, среди связанных с деятельностью диспозиций выделяются еще и так называемые волевые способности, которые представляют собой повышенные или сниженные объективные предрасположенности к произведению волевых усилий, необходимых для осуществления практически всех видов деятельности.

Среди мыслительных способностей людей отражаемая в языке наивная психология четко различает и лексически разграничивает способности памяти и способности интеллекта. Причем те, и другие репрезентируются на лексическом уровне и как очень сильные, и как крайне слабые. В последнем случае морфемный состав и внутренняя форма слова могут даже представлять слабое проявление той или иной способности как полное отсутствие таковой.

Способности памяти отражаются значениями таких слов, как *памятливость*, *забывчивость*, *беспамятность* и *безголовость*. Гораздо большее число лексем отражают в своих значениях способности человеческого интеллекта. Высокие интеллектуальные способности в различных их проявлениях обозначаются в русском языке более чем сорока лексическими единицами, среди которых можно упомянуть такие существительные, как *понятливость*, *сообразительность*, *смышленость*, *догадливость*, *сметливость*, *смекалистость*, *находчивость*, *хитрость*, *хитроумие*, *изворотливость*, *здравомыслие*, *мудрость*, *разумность*, *дальновидность*, *прозорливость*, *глубокомыслие*, *остроумие* и пр. Еще бóльшим количеством слов в русской лексике представлены наименования слабых или недостаточно развитых интеллектуальных способностей. Причем наряду со стилистически и эмоционально нейтральными лексемами типа *глупость*, *скудоумие* или *непонятливость* здесь оказывается довольно много разговорно-просторечных лексических единиц с ярко выраженной негативной эмоциональной экспрессивностью: *тупость*, *тупоумие*, *тупоголовость*, *безмозглость*, *придурковатость*, *идиотизм* (перен.), *кретинизм* (перен.) и т. п.

Что касается наименований практических способностей людей, то кроме слов *артистичный*, *артистичность* и *артистизм* никак не представленными оказываются способности, необходимые для большинства видов профессиональной деятельности: инженерных, педагогических, математических, художественных, музыкальных и пр. В то же время в рамках данного лексического микрополя четко выделяется ряд лексем, обозначающих наличие или отсутствие у человека каких-то выдающихся, но не конкретизированных способностей. К числу этих слов относятся, например, такие существительные, как *даровитость*, *одаренность*, *талантливость*, *гениальность*, а также *бездарность* и *бесталанность*. Кроме того, к содержанию рассматриваемой лексической группы могут быть отнесены наименования способностей, обеспечивающих возможность человеческого общения (*контактность*, *коммуникабельность*), а также необходимых для достижения успеха в сфере деловой жизни (*оборотистость*, *расторопность*, *распорядительность*, *энергичность*).

Из всех имеющихся у людей способностей наиболее широко и детализировано в лексике русского языка отражаются те, которые были обозначены нами как волевые. В качестве наименований способностей такого рода выступают более шестидесяти русских существительных и прилагательных. К их числу относятся, например, слова, обозначающие общую силу или слабость человеческой воли. Так, люди, обладающие просто сильной волей, характеризуются как *волевые*, *сильные*, *стойкие* и *несгибаемые*. Отдельные же аспекты и проявления высоких волевых способностей обозначаются словами *выдержка*, *самообладание*, *настойчивость*, *упорство*, *терпеливость*, *усидчивость* и *работоспособность*. Особенно высокой номенклатурной представленностью

в рассматриваемом лексическом микрополе отличаются способности, связанные с преодолением чувства страха, с умением действовать, невзирая на свой страх. Они находят свое отражение в значениях таких существительных, как *смелость, храбрость, неустрашимость, отвага, мужество, доблесть* и *героизм*. Слабость же тех или иных волевых способностей отражается значениями таких слов, как *безволие, слабоволие, бесхарактерность, слабохарактерность, бесхребетность, мягкотелость, трусость, несмелость, робость, малодушие, нетерпеливость, несобранность, неорганизованность* и т. п.

Относительно личностных качеств, определяемых обычно как деятельностные склонности, следует отметить, что характер значений отражающих их слов позволяет выделить всего лишь два типа диспозиций такого рода: склонности к мыслительной и к практической деятельности. Первые представляют собой предрасположенности к более частому или более редкому, чем это обычно замечается, осуществлению контролируемых волей мыслительных процессов. Вторые же выступают как повышенные или сниженные предрасположенности к совершению тех или иных видов контролируемых практических действий или к каким-то особым аспектам или способам осуществления различных форм практической деятельности.

В области присущих людям мыслительных склонностей наше языковое сознание выделяет и лексически означает и склонность к каким-то конкретным видам мыслительной активности (*вдумчивость, мечтательность, фантазерство*), и предрасположенность к некоторым общим особенностям протекания процесса мышления (догматизм, поверхностность, объективизм, субъективизм). Наибольшей же номенклатурной представленностью в составе рассматриваемого микрополя обладают слова, являющиеся наименованиями мыслительных склонностей, проявляемых при выборе решений в сфере практической деятельности. В связи с последним обстоятельством данные слова вполне могли бы рассматриваться и как наименования практических деятельностных склонностей. К числу такого рода лексем относятся существительные *осмотрительность, расчетливость, благоразумие, решительность* и *самостоятельность*, а также слова *неосмотрительность, неблагоразумие, легкомыслие, безрассудство, нерешительность* и *несамостоятельность*.

С лингвистической точки зрения большинство наименований для склонностей практического характера можно распределить по пяти основным семантическим группам, расчленяемым в свою очередь на более мелкие лексические подгруппы — микрополя.

Первая группа включает слова, указывающие на мотивы, которые могут преобладать в деятельности тех или иных людей. В составе данной группы отчетливо выделяются микрополя, отражающие:

1) мотивированность поведения преимущественно эмоциональными порывами или соображениями разума (*импульсивность, порывистость — рассудочность, рационалистичность, прагматизм*);

2) обусловленность деятельности мотивами собственного блага или благополучия других (*эгоизм, своекорыстие — альтруизм, отзывчивость, участливость, самоотверженность, бескорыстие*);

3) зависимость или независимость поведения от чужой воли (*уступчивость, сговорчивость, покладистость, безропотность, смиренность, забитость — своенравие, своеволие, строптивость, непокладистость, неуступчивость, несговорчивость, бескомпромиссность, упрямство*).

Во вторую группу наименований склонностей практического характера входят слова, отражающие в своих значениях активность или пассивность людей в тех или иных сферах их жизнедеятельности. В рамках этой семантической группы вычленяются лексические микрополя, фиксирующие:

1) общую активность или пассивность человека (*живость, непоседливость, неутомимость, торопливость, суетливость, суматошность, баламутность — медлительность, неторопливость, несуетность, созерцательность*);

2) активность или пассивность, проявляемые в труде (*трудолюбие, деловитость, инициативность, предприимчивость, хозяйственность, домовитость, хлопотливость, старательность — лень, бездеятельность, безынициативность, бесхозяйственность*);

3) особую склонность к рискованным предприятиям (*рисковость, бесшабашность, отчаянность, удаля, молодечество, авантюризм*).

Третью группу наименований склонностей практической деятельности образуют слова, обозначающие склонности, проявляемые в отношениях с другими людьми. Микрополя, вычленяемые в составе данной группы, отражают следующие аспекты этих отношений:

1) наличие или отсутствие стремления жить и работать в коллективе (*коллективизм — индивидуализм*);

2) расположенность к общению или отсутствие таковой (*общительность, разговорчивость, словоохотливость, болтливость — необщительность, нелюдимость, замкнутость, молчаливость, неразговорчивость, немногословность*);

3) проявление искренности или неискренности в общении (*искренность, непосредственность, открытость, откровенность, прямота, честность, правдивость — неискренность, скрытность, лицемерность, двуличность, лукавость, нечестность, лживость, плутоватость*);

4) наличие или отсутствие склонности к демонстрации превосходства над окружающими (*спесь, гонор, барственность, апломб — скромность, простота, демократизм*);

5) готовность причинять людям страдания и ее отсутствие (*жестокость, озверелость, изуверство, садизм — гуманность*);

6) гуманность и негуманность, проявляемые в общении (*тактичность, деликатность, обходительность, учтивость, приветливость — неделикатность, неучтивость, бестактность, неприветливость, грубость, дерзость, скандальность, хамство*).

7) склонности к различным формам и проявлениям враждебного поведения (*агрессивность, злобность, задиристость, драчливость, подлость, вероломность, мстительность, пакостливость, стержность, вороватость*);

8) склонности сексуального поведения (*верность — неверность, блудливость, развратность, ветреность, гомосексуализм*).

К четвертой группе наименований склонностей интересующего нас типа могут быть отнесены слова, отражающие психические диспозиции, условно обозначаемые как деятельностные склонности по отношению к самому себе. Среди такого рода диспозиций лексически различаются:

1) склонности, связанные с расходом денежных средств (*бережливость, экономность — небережливость, неэкономность, расточительность*);

2) склонности по отношению к чистоте своего тела, одежды и жилища (*чистоплотность, опрятность, аккуратность — нечистоплотность, неопрятность, неряшливость, неаккуратность*);

3) склонности, отражающие манеру одеваться (*франтоватость, щеголеватость, пижонство*).

Наконец, в пятую группу названий склонностей практической деятельности выделяются наименования внутренних предрасположенностей людей к соблюдению или несоблюдению различных деонтических предписаний (от греч. *deon* — «должное»). Речь идет обо всех принятых в обществе законах, установлениях, правилах и нормах, субъективное отношение к которым трактуется в психологии в терминах Сверх-Я, или более традиционно — как чувство долга. Склонности, так или иначе репрезентирующие и конкретизирующие данное отношение, фиксируются словами *гражданственность, законопослушность, дисциплинированность, ответственность, принципиальность, порядочность, воспитанность, вежливость — недисциплинированность, безответственность, халатность, беспринципность, безнравственность, непорядочность, невоспитанность, невежливость, наглость, шаловливость, озорство* и т. п.

Итак, анализ словарной семантики слов, обозначающих психические свойства, позволяет предположить, что общим понятием психического свойства ох-

вываются лексемы, отражающие в своих значениях три принципиально (сущностно) различающихся типа внутренних личностных диспозиций, присущих людям. Это предрасположенности к неконтролируемым волей формам психической активности, деятельностные способности и деятельностные склонности. Заметим, что в большинстве современных работ по психологии личности и личностной психодиагностике данное различие обычно не используется. Причина — в различии психологического и лингвистического подходов, о чем уже говорилось ранее.

В психологических эмпирических исследованиях при распределении лексического материала по семантическим группам (кластерам) в составе одних и тех же групп оказываются наименования разносущностных с лингвистической точки зрения психических свойств, связанных не качественной (сущностной) близостью, а только причинно-следственными или условно-следственными отношениями, зафиксированными обыденным сознанием. Так, «Атлас личностных черт», разработанный А.Г. Шмелевым, в кластере слов, отражающих определенные тенденции человеческого поведения, не отличает наименования эмоциональных, дезидеративных и ментальных диспозиций, могущих выступать непосредственными причинами этих тенденций, от наименований волевых и интеллектуальных способностей, которые лишь обеспечивают проявление склонностей в поведении. Например, в кластер, обозначенный как «Выражение собственных притязаний» и включающий наименования таких диспозиций, как спесивость, заносчивость и надменность, вошло слово *амбициозный*, обозначающее психическое свойство дезидеративного характера (потребность в общественном признании), которое вполне может быть причиной упомянутых поведенческих склонностей [6, с. 386]. В кластер, объединяющий слова типа *новатор*, *искатель*, *подвижник* включено и существительное *оптимист*. А ассоциативное сцепление понятий активности и оптимизма объяснялось существующим на уровне обыденного сознания убеждением, что «активен тот, кому свойственна глубинная вера в возможность лучшей жизни» [7, с. 12]. Слова *общительный* и *разговорчивый* сочетаются в рамках одного кластера с прилагательным *коммуникабельный*, поскольку обозначаемая им способность к общению является неперенным условием формирования общительности как поведенческой склонности [6, с. 415].

Такого рода подразумевания связей между разносущностными психическими диспозициями могут фиксироваться в языке при помощи слов, отражающих определенный комплекс элементарных личностных качеств. Чаще всего это два различных качества, связанные между собой как психическая (обычно эмоциональная или дезидеративная) причина и поведенческое (деятельностное) следствие. Так, к примеру, лексическое значение слова *милосердие*, выражая предрасположенность человека приходить на помощь страждущим, содержит и указание на эмоциональную сострадательность как прямую причину

отмеченной поведенческой склонности. Существительное *чуткость*, обозначающее в принципе ту же самую деятельностную диспозицию, в качестве основной ее предпосылки отмечает уже не эмоциональную восприимчивость к чужим страданиям, а интеллектуальную способность воспринимать проблемы и беды другого человека.

К числу личностных свойств комплексного характера, на наш взгляд, относится и такое важное, социально значимое человеческое качество, как *совесть*. В этической литературе это качество рассматривается как основа и своеобразный внутренний стержень того сложнейшего психического комплекса, который именуется нравственностью человека. Однако единого, общепринятого понимания сущности совести современная наука еще не выработала.

Чаще всего совесть определяется как моральная ответственность человеческого индивида перед самим собой (см., например, [1, с. 263]). А поскольку такая ответственность проявляется прежде всего в переживании особых эмоций, именуемых угрызениями совести и чувством морального удовлетворения, интересующее нас качество трактуется обычно как чисто эмоциональная психическая диспозиция, заключающаяся в общей предрасположенности человека к данным переживаниям. Однако, помимо порождения упомянутых эмоций, совесть имеет еще одну, не менее важную функцию — регулятора человеческой деятельности, приведения ее в соответствие с моральными и иными нормативными представлениями индивида, ставшими его собственными деонтическими убеждениями. С этой точки зрения совестливым является тот человек, который не только способен переживать внутренние угрызения в связи с совершением несправедливых деяний, но и не склонен совершать поступки, противоречащие разделяемым им убеждениям. Таким образом, человеческая совесть должна рассматриваться как комплексная психическая диспозиция, совмещающая в себе эмоциональный и деятельностный компоненты.

Библиографический список

1. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998.
2. Ковалев А.Г. Психология личности. 3-е изд. М.: Просвещение, 1970.
3. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
4. Ребер А. Большой толковый психологический словарь: В 2 т. М.: Вече; АСТ, 2000.
5. Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В.И. Дружинин. М.: ИНФРА-М, 1999.
6. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002.
7. Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: МГУ, 1988.